

УДК 88.6**И. Н. Литвинчук****ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ КОДЫ СОКРЫТИЯ ИНФОРМАЦИИ
(на примере архаических текстов)**

Для современного состояния развития таких отраслей научного знания, как общая и социальная психология, психолингвистика и психосемантика, теория коммуникаций и информационных систем, семиология и психосемиотика, кибернетика и психофизиология, особо *актуальной* является проблема выявления универсальных способов кодирования и декодирования информации, адекватных не только для использования в различных социокультурных пространствах, но и на различных уровнях и в различных системах социальной коммуникации. Поиск таких поведенческих и языковых универсалий должен отвечать классическим требованиям если не достаточности (Абсолютные Нормы коммуникации — виртуальная идеализированная Матрица), то, по крайней мере — необходимости. До сих пор эмпирически и экспериментально фундаментальной наукой не было доказано существования конкретных “всеобщих структур Духа”, которые представляли бы непротиворечивые интерсубъективные и межкультурные, четко структурированные основы коммуникации. Междисциплинарный подход к этой проблеме призван обеспечить проведение исследование на высоком фактологическом уровне в рамках антропоцентрической парадигмы в науке. В этом плане изучение коммуникативных универсалий примыкает к изучению психологических структур и их биологических основ [6], а биология и кибернетика осуществляют взаимовыгодный симбиоз в процессе идентификации физических структур, обеспечивающих коммуникацию [3].

В этом контексте сохраняет свое значение гипотеза Уорфа, согласно которой человек в своем видении мира зависит от культурных кодов, управляющих общением; она сохраняет свое значение даже в том случае, если иногда имеет смысл сводить коммуникацию к пресловутым гипотетическим бионейропсихологическим константам, которые ее обусловливают [13]. Ч. Осгуд утверждает, что коды разных языков похожи на айсберги, только малая часть которых обозрима, между тем как общий фундамент языков скрыт “под водой”, где и складываются универсальные механизмы метафоры и синестезии, укорененные в психофизической **общности** людей [15]. Р. Якобсон также отмечает, что поиски универсальных семиотических констант — это главная проблема лингвистики и семиологии будущего [14]. Исключительная роль в этом процессе принадлежит взаимовыгодному сотрудничеству лингвистики и психологии, особенно если учесть объективную близость их интересов, подчеркнутую Н. Хомским: “Лингвистика — просто **та** часть психологии, что охватывает один особенный класс устойчивых состояний, а именно когнитивные структуры, которые используются в речи и понимании языка” [12].

Языковые прототипы, обусловленные рациональным и эмоциональным содержанием архетипов, сокрыты в древних текстах. Попытки выявления универсалий и культурных кодов часто предпринимаются в рамках историко-культурного, философского, семиологического исследования древних текстов: примером могут служить многочисленные работы по изучению библейских текстов, структурно-семантический анализ текстов Корана при помощи перфокарт, осуществленный К. Бремоном [2], а также исследования текстов устного народного творчества. Принципы и подходы разрознены, единства оснований анализа чаще всего не наблюдается. Однако компаративный анализ позволяет выделить одно из возможных универсальных оснований закономерности формирования и индикации коммуникативных кодов. Таким основанием является структура природных явлений объективной и субъективной по отношению к человеку реальности.

И для древнего, и для современного человека магия предстает как таинственный ключ к глубинному осознанию себя и мира. Магические тайны жизни и смерти, любви и ненависти, возмездия и воздаяния неудержимо влекут к себе ум и сердце человека. Традиционным для мифологической картины мира, магического миропонимания является следующий подход к структурированию деятельностиного фрейма: это возможность и способность для субъекта оказаться в определенном, нужном месте, в нужное время и в нужном состоянии. Очевидна необходимость во взаимодействии и взаимообусловленности семантического единства объективизированных факторов — пространственного и времененного, а также субъективизированного — психоэмоционального.

Древние тексты содержат сведения о природе и человеке, предназначавшиеся только для посвященных. В качестве меры имплицирования информации была выработана изощренная система иносказаний, числовых обозначений, временных соотношений и интерпретаций, пространных рассуждений об одном предмете ради сокрытия сведений о другом. Возможно, загадочная, изысканная, иногда даже претенциозная форма древних текстов, образуемая специфической лексикой и характерным грамматическим аппаратом, призвана “охранять” их тонкую и уязвимую семантику. Ключ к ее дешифровке можно найти именно в культурной традиции, которую этот текст представляет. Древние тексты были призваны воздействовать не на сознание человека, а на его эмоциональную сферу, что обусловило формирование целого набора табу, ограничений, сложного комплекса мифологизированных персонажей и причудливых образов. Древние знали, что человека всегда манит таинственное и непонятное. В то же время когнитивный процесс устойчиво мотивирован стремлением человека проникнуть в глубь непознанного, пройти сквозь преграды запретов: чем жестче табу, тем сильнее желание их разрушить.

Таким образом, трудности семантического осмысления древних текстов связаны с первозадачей их авторов: скрыть от неподготовленного читателя и в то же время донести до потомков систему мировоззренческих представлений о строении и законах развития внешнего мира, о месте и функциях человека и т. п. Подразумевалось, что эти знания должны пройти интериоризацию сначала на

Раздел 1.

Лингвометодические основы описания и изучения РКИ

уровне веры, а позднее — на уровне эмпирических знаний. Итак, в древних текстах представлена “стройная система, передающая в виде иносказаний универсальные законы, подчиняющие себе все: от Вселенной до человека и его деятельности” [9, 472].

Обобщающими формами сокрытия информации в архаических текстах выступают три кода: числовой, временной и атрибутивно-ассоциативный. В статье мы постараемся наметить эти основные векторы кодирования, структурирования семантики подобных текстов.

Время — понятие магическое: оно не только завораживает своим звучанием, но притягивает своим значением. В рамках различных антропологических концепций ученые пытались постичь сущность времени, но до сих пор оно остается одним из самых загадочных феноменов языковой картины мира. Языковая категория времени непосредственно связана с философской категорией времени. На уровне текста эта категория представлена понятиями реального, абстрактного и олицетворенно-мифологизированного времени. “Реальное время характеризуется двумя фундаментальными необратимыми свойствами: одномерностью (линейностью) и односторонностью (необратимостью)” [11]. Категория времени, отраженная в древних текстах, с одной стороны, охватывает особенности циклических изменений в природе в соответствии с космологической моделью Мира и времени; с другой стороны, антропоморфическая модель восприятия времени подразумевает упорядочивание происходящих событий в сознании человека. В большинстве древних текстов парадоксальность восприятия и интерпретации времени выражается в соединении представлений о том, что время является циклическим, с представлениями о времени как о поступательном движении, т. е. интерпретацией категории времени как линейного, одномерного. В. А. Успенский отмечал, что циклическое время соответствует космологическому сознанию, а линейное — историческому [10].

Вероятно, циклическая модель времени появилась вследствие осознания повторяемости определенных изменений в природе: увеличение/уменьшение освещенности или тепла. В соответствии с этой моделью время течет по замкнутому кругу в Космосе. Поэтому образ времени как колеса, круга (этимологический “время” восходит к слову “вращать”) присутствует в древнеиндийских обозначениях времени и в славянских временных терминах.

Процессы постижения временной реальности человеком и особенности ее отображения в текстовых структурах различного уровня анализировались на материале разных эпох и языков. В качестве особого аспекта здесь можно выделить бытовое восприятие времени, позволяющего опознать следы мифологического осмыслиния человеком этого элемента картины мира, отображающейся в образной системе текстов. Так, В. М. Мокиенко [5], обращаясь к записям диалектной речи, репродуцирующим народные представления о времени, способы измерения времени, отношение к времени, обнаруживает экспликацию культурно-национального фона многих русских временных фразеологизмов, например: *по месяцу, по петухам да по солнцу раньше время узнавали, при царе Гороже, после дождичка в четверг, на морковкино заговенье* и т. д.

Н. С. Семчинская отмечает, что “факты различных языков подтверждают распространенную среди ученых гипотезу о преимущественном выражении циклического времени лексическими средствами. Выделение такого временно-го отрезка, как день (сутки), очевидно, следует считать языковой универсалией, так как величина данного отрезка неизменна, не зависит от национальных условностей и диктуется естественными физическими условиями, а внутренняя форма (структура значения и его связи), возможно, отличается” [8, 152].

Н. Д. Арутюнова отмечает, что часто в библейских текстах “слова времени” (например, *время, день, час*) регулярно употребляются в значении “срок” — время, уготованное для некоторого события: “Человек должен чувствовать приближение срока так же, как он чувствует приближение весны или дыхание осеннего ветра” [1]. В древних текстах символическое восприятие человеческой жизни, определенных ее циклов и фаз соотносится с циклами суток и года. Утро или весна ассоциируются с началом жизни или молодостью, вечер, осень или зима — со старостью. В этой связи Н. С. Семчинская отмечает: “... В классическом произведении китайской литературы “Голос осени Оуян Су слово ОСЕНЬ использует в прямом и переносном значениях; причем контекст подчеркивает не только такой признак, как отсутствие тепла, но и отсутствие света: “Осень... Это всегда начало Мрака (начало Инь)” [8, 154]. Примечательно, что символическое использование названия животных в номинации определенного года в рамках 12-летнего цикла также связано с древней китайской философией. Таким образом, в китайском языке представления о цикличности времени более детализированы, чем в славянских языках. “В русском и украинском языках тоже существуют примеры выражения времени через названия животных, однако они больше связаны не с философией времени, а с хозяйственным опытом” [там же]. Эта тенденция отражена, например, в фразеологических единицах *до первых петухов, в свинячий голос* и др.

Важное символическое значение приобретают в архаических текстах концепты *погода, сила, жизнь*, поскольку эти понятия также воспринимались древними через призму цикличности. Наблюдения за погодой и приметы, связанные, очевидно, первоначально с язычеством, а позже с христианской религией, способствовали формированию своеобразного наивного календаря. Здесь отражена особого рода модель мира, которая нередко была обусловлена языковыми факторами различного происхождения и уровня и содержала большой объем знаний этноса о его природном и социальном окружении. Так, А. А. Потебня, исследуя процесс образования календарных мифов и обрядов, отмечал, что религиозный праздник и хозяйственные работы или природные условия связаны определенной мотивацией, которая может осуществляться через внешнюю форму слова — рифму, паронимию, частичное созвучие, — или внутреннюю форму слова. Имя угодника или название праздника превращается в название какого-нибудь временного отрезка, характеризующегося динамичностью, связанного с цикличностью природы [7].

Исследователи древних текстов делают вывод о теснейшей связи *концепта времени с концептом пространства*, причем эта связь приобретает универ-

Раздел 1.

Лингвометодические основы описания и изучения РКИ

сальный характер. Выражение временных понятий через понятие пространства опосредовано качественно новым осознанием времени, с переходом на его линейную модель, что объясняется авторами серии исследований “Роли человеческого фактора в языке” следующим образом. Между временными кругами устанавливаются взаимосвязи; в сознании формируется своеобразная модель “спираль времени”; постепенно спираль трансформируется в линейную конструкцию. Так возникает идея истории и непрерывности исторического процесса. Причиной такого перехода стало глубокое осмысление человеком самого себя, введение антропоцентрического или эгоцентрического ориентира с распадом синкетического понятия времени на временные отрезки и появлением оппозиции временной протяженности и временной точки. При этом время отделимо от человека, но человек неотделим от времени. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает: “Если чувство времени основано на восприятии природных циклов, то психические структуры связали себя с линейным временем, расчлененным “точкою присутствия” на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее. Это членение вытекает из главного условия, определяющего человека в мире: укрытостью от него будущего, известностью (пережитостью) прошлого и данностью (переживающейся) настоящего” [1, 53].

Будучи искусственной, “неприродной” категорией, *число* является общечеловеческой категорией с однозначно понимаемыми правилами преобразования, в какой бы системе исчислений они ни употреблялись. Наивная на первый, неискушенный взгляд арифметика, наивная статистика, отражающаяся в русском устном народном творчестве, идиомах, пословицах и поговорках (“Одна голова — хорошо, а две — лучше”; “Семь раз отмерь — один раз отрежь”; “Семеро одного не ждут”; “сорок сороков”; “тридевять земель”) имеет под собой глубокие и строго обоснованные семантические основания, уходящие своими корнями в глубь вековых традиций, опирающиеся и на христианское, и на языческое символическое исчисление “душ и предметов”. Те же особенности “числовой семантики”, обусловленные национальными особенностями, наблюдаем в народных сказках: если речь идет о братьях-сестрах, то их, как правило, трое; в случае исчисления трагических по своей жизненной важности испытаний главного героя выделяются те же три ступени, расположенных по принципу градации — от менее опасного до наиболее важного. Таким образом, проверка на прочность нравственных устоев также подвержена принципу тройственности, заложенному в национальном понятийно-мифологическом аппарате. Противопоставление по принципу бинарных оппозиций проводится также по числовому признаку (вспомним сказку, в которой речь идет об одной царевне и семи богатырях). Таким образом, будучи абстракцией, *число* выражает конкретные идеи, в частности, отражающие особенности религиозного мировосприятия. Так, семантический код сообщений, содержащих различные сочетания числовых обозначений 1, 3, 7, доступен для интертекстовой дешифровки представителями не только славянских, но и практических всех христианских общин. В подобном интертекстовом прочтении *число* может выражать единичность и

множественность: одним числом можно выразить несколько понятий (Троица), или одно понятие можно передать разными числами. Кроме того, число может выражать единичность и множественность; одним числом можно выразить несколько понятий, или одно понятие можно выразить несколькими числами. Такие особенности категории числа всегда были удобны для формирования **кодовой системы**.

Система атрибутивно-ассоциативных представлений намного сложнее, так как строится на чисто субъективной основе, поскольку ассоциация традиционно рассматривается психологией как сузубо индивидуальный феномен душевной жизни человека. Однако ассортимент ассоциаций субъекта, принадлежащего к определенной социокультурной общности, неизменно детерминируется и ассоциативным филогенетическим опытом этой конкретной общности, будучи закрепленной в национальном мифологическом понятийном аппарате, в коллективном бессознательном, транслируемым обществом конкретному индивиду в процессе его воспитания и образования. Закрепление конкретных социальных норм в сознании человека как потенциального субъекта межкультурного взаимодействия осуществляется тем эффективнее, чем более устойчивыми являются его глубинные установки, соотносимые с архетипами. Привить человека уважение к национальной картине мира представителя другой культурной общности можно лишь в случае полноценной сформированности у него самого самосознания собственной приверженности постулатам родной "материнской" культуры. Именно в этом отношении значение слова "космонолит" обычно рассматривается как имеющее негативный оттенок: "космополит" в подобном контексте — это словно "Иван, не помнящий родства", не способный уважать культурные традиции своего народа и, как следствие, — поверхностно воспринимающий глобальный культурный контекст.

Если бы в текстах был использован только ассоциативный код, они бы значительно труднее подвергались декодированию, в то время как гармоничное применение объективного и субъективного кодов способствует в выявлении глубинной семантики посредством наложения одного кода на другой. Иногда целесообразно начинать дешифровку с числового кода, применив его к изучению исчисляемой категории, какой выступает время. В то же время в современной физике время тесно связано с понятием пространства, образуя единый, цельный пространственно-временной континуум. Анализprotoевропейской, более известной как ведическая, концепции времени дает возможность определить, что древние достаточно точно разбирались в проблемах, соответствующих концептуальному аппарату современной теоретической физики, передавая посредством системы числовых преобразований единство времени и пространства. Однако в архаическом контексте время воспринималось как предопределяющая бытие и первичная по отношению ко всем прочим категория, а пространство — как вторичная категория. Исследователи отмечают идеальность, простоту и красоту системы числовых преобразований, поскольку она давалась в идеальном выражении через системы целых чисел, определенным образом связанных друг с другом [1; 5].

Декодирование посредством наложения этой идеальной системы на субъективно-ассоциативный код во многом исключает явные противоречия интерпретации семантики древних текстов, сводя отдельные, ранее аморфные и противоречивые элементы в общую картину, когда за ширмой мифических образов скрывается прагматически выверенная, четкая система. Здесь посредством числового кода выражалось положение дел в объективной действительности, подтвержденное современными изысканиями в области теоретической и квантовой физики, но на идеальном, абстрагированном уровне. Так, древним было известно, что “Вселенная равномерно расширяется и сжимается, что она проходит через ряд сингулярностей, что существует область пространства, где может существовать жизнь, и в чем физическая природа бессмертия (физическая не как материальная, а как принадлежащая физике мира)” [9, 471]. Число выражало не все эти представления, но посредством числа как формы проявления времени можно найти ключ к ассоциативному коду и понять истинную сущность целого ряда абстрактных понятий. Здесь следует отметить проблему уже другого уровня: содержание понятий часто претерпевает существенные изменения со временем, которые обусловлены закономерными историческими преобразованиями в социокультурной среде. Однако сохранение неизменной лексической формы влекло за собой известный феномен “подмены понятий” в процессе декодирования семантики текстовых структур.

Таким образом, временной, пространственный и ассоциативный коды способствуют структурированию текстового семантического пространства.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры// Филологические исследования. — М.-Л., 1990. — С. 53, 81.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем. — М.: Прогресс. — 1993. — С. 326.
3. Иванов В. В. Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека и коллектива // Логическая структура нашего знания. — М.: Наука. — 1965. — С. 182.
4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл. — 2003. — 487 с.
5. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. — М.: Русский язык. — 1970. — С. 38.
6. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — М.: Просвещение. — 1969. — С.162.
7. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. — Харьков. — С. 383-405.
8. Семчинская Н. С. Время в языковом сознании носителей русского, украинского, китайского и английского языков // Язык и художественное творчество: — Киев. — 1997. — С. 152, 154.
9. Сорокина О. С. Трудности семантического анализа канонического текста // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X1. — Москва — Маг-

- нитогорск: Изд-во Магнитогорского госуниверситета. — 2002. — С. 469, 471.
10. Успенский В. А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема // Труды по знаковым системам. Т.23. — Тарту. — 1989.)
11. Философская энциклопедия. — Т.1. — М.: Наука. — 1960. — С. 208.
12. Хомський Н. Роздуми про мову / Пер. з англ. — Львів: Ініціатива. — 2000. — С. 201.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — М.: ТОО ТК “Петрополис”. — 1998. — С.373.
14. Jakobson R. Implication of Language Universals for Linguistics // Universals. — 1965. — Р. 276.
15. Osgood C. E. On the way and wherefore of E, P and A. — Journal of Personality and Social Psychology. — V.12. — 1969. — Р. 194.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2004 г.

УДК 811.161.1

В. Ф. Ибрагимова

ОНОМАСТИКА КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО КРАЯ

Преподавание русского языка студентам-филологам, да к тому же с родным крымскотатарским языком, требует определенных усилий. Трудности возникают в связи с мощной интерференцией изучаемого и родного языков. Исходя из этого, полагаем, что преподаватель вуза должен не только научить языку, но и показать его глубину, богатство.

Вызвать интерес студента — вот в чем состоит основная задача преподавателя-слависта. Одним из аспектов, ведущих к заинтересованности студента языком, является ономастика — наука об именах собственных. Изучению ономастики в вузе обычно отводится мало часов, как правило, оно ограничивается констатацией различий между именами собственными и нарицательными.

Ономастика тесно связана с лингвистикой, литературоведением, историей, этнографией, географией. Отметим, что за ономастическим фактом стоит историческая и живая действительность, которая через различные экстралингвистические факторы создает специфический круг многообразнейших ассоциаций. Так, если крымский татарин узнает, что кто-то приехал из Бахчисарай, то по ассоциации, обычно спрашивает: “Бахчисарай? Это где ханский дворец?” Таким образом, для крымского татарина молодого поколения, приехавшего из Средней Азии, название города ассоциируется с историей ханов Гиреев, с произведением А. Пушкина “Бахчисарайский фонтан”. Возвращение крымских татар в Крым — это прежде всего возрождение культурных традиций, бережное отношение к языковому литературному наследию, накопленному нашими предками. Решать проблему культурного возрождения необходимо комплекс-